

16. Российский Государственный исторический архив. – Ф. 95, оп. 11, д. 1026. Об устройстве канала к порту Хорлы за счет и распоряжением владелицы г-жи С. Б. Фальц-Фейн [1904]. – Л. 10.

17. Фабрики и заводы всей России. Сведения о 31,523 фабриках и заводах. – К. : Книгоиздательство т-ва Л. М. Фиш, 1913. – С. 1030.

18. Фабрично-заводская и ремесленная промышленность Одесского градоначальства Херсонской губернии и Николаевского военного губернаторства в 1896 г. – Изд. 2-е. – Одесса : Тип. Акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1897. – С. 125.

19. Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова / В. Э. Фальц-Фейн – К. : Аграрна наука, 1997. – С. 158.

20. Экспонаты Одесской выставки // Одесская выставка. – 1910 г. – 11 июля. – № 25. – Л. 2.

Надійшла до редколегії 09.10.11

УДК 94 (477) – 054/62 “1803-1890”

С. И. Бобылева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ШВЕДСКОГО КОЛОНИСТСКОГО ОКРУГА И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ШВЕДОВ

Розглянуто проблеми взаємовпливу двох етнічних груп населення: німців та шведів, які проживали на території Херсонської губернії. Мова йде про соціально-економічне та культурне співіснування їх, загальне та особливе в історії їх переселення та життєдіяльності.

Ключеві слова: німці, шведи, колоністи, Контора Опікунства, школа.

Рассмотрены проблемы взаимовлияния двух этнических групп населения: немцев и шведов, проживавших компактно на территории Херсонской губернии. Речь идет о социально-экономическом и культурном сосуществовании их, общем и особенном в истории их переселения и жизнедеятельности.

Ключевые слова: немцы, шведы, колонисты, Контора Опекунства, школа.

The problems of mutual influence between Germans and Swedes, which compact lived in Kherson province are considered. The social, economic and cultural coexistence of them, the general and special features in a history of their resettlement and life activity are discovered.

Key words: Germans, Swedes, colonists, Office of Guardianship, school.

Im Aufsatz werden Fragen der Interaktion am Beispiel zweier ethnischer Bevölkerungsgruppen, der Deutschen und der Schweden, die kompakt auf dem Territorium des Gouvernements Cherson siedelten, behandelt. Besonderes Augenmerk gilt dabei den Gemeinsamkeiten und Besonderheiten in der Geschichte ihrer Ansiedlung sowie den sozialen, wirtschaftlichen und kulturellen Faktoren ihres Lebens in unmittelbarer Nachbarschaft.

Schlagwörter: Deutsche, Schweden, Kolonisten, Fürsorgekontor, Schule.

При изучении жизнедеятельности населения Шведского колониетского округа был использован ряд концепций западноевропейских и американских исследователей: Э. Эриксона об идентичности [42], Е. С. Толмана о «ментальных картах» [41], Дж. Бери об аккультурации и межэтнической интеграции [44], Роберта Редфилда о «картине мира» [44], К. Оберга о «культурном шоке», Оскара Халецкого и Ф. Дж. Тернера о культурном пограничье и фронтире [45]. Все они в той или иной степени выходят на проблемы, характерные для исторического развития Шведского колониетского округа.

Шведы юга Российской империи в ходе своей жизнедеятельности имели контакты и связи с различными этническими группами, проживавшими в этом регионе: цыганами, итальянцами, украинцами, русскими, ногайцами, татарами, немцами. Мы же выбрали в качестве предмета своего исследования взаимоотношения с последними.

Касаясь вопросов идентичности шведов, мы обязаны вычленять не только индивидуальную их идентичность, являющуюся, как считает Э. Эриксон, видом групповой идентичности, но и рассматривать проблемы идентификации. Последнее же не возможно вне сравнения. Поскольку только в результате взаимодействия данная общность приобретает «свои» особые признаки [6].

Александр I, по восшествию на престол, опираясь на опыт переселенческой политики Екатерины II и Павла I, сделал очередной шаг по пути колонизации Новороссийского края. В его царствование в переселенческой практике доминировал немецкий элемент. Только в Херсонской губернии с 1803 по 1811 гг. было основано 33 немецких колонии. Три из них вместе с Альт-Шведендорфом составили Швед-

ский колони́стский округ: Кло́стердорф, Мюльгаузендорф и Шлангендорф [43].

Обратим внимание на те элементы колони́стской истории, где у шведов и немцев присутствовали общие черты. 1. Немцы, как и шведы, были переселенцами, прибывшими в Россию по приглашению правительства. 2. При переселении им были предоставлены льготы. 3. Значительная часть поселенных рядом со шведами немцев были лютеранского вероисповедания. 4. Шведы и немцы говорили на языках, принадлежавших к романо-германской языковой группе. 5. Все жители этого округа в своем религиозно-культурном развитии, языке общения, резко отличались от населения появившихся соседних сел. 6. Все колони́сты Шведского округа оказались в одной природно-климатической зоне. 7. И шведы, и немцы к моменту переселения в Новороссию имели определенный опыт товарно-денежных отношений. 8. Все население округа в начале XIX в. имело статус иностранных колони́стов со всеми вытекающими из этого позитивными моментами. 9. И немцы, и шведы, поселившиеся на Херсонщине, не имели навыков ведения хозяйства в новой для них природно-климатической зоне.

Вышеперечисленное далеко не исчерпывает общность судеб представителей этих двух этнических групп. В то же время имеется большое количество факторов, рознящих их. Прежде всего время основания немецких колоний: в 1804 г. в район Шведской колонии прибыла группа немецких лютеран (30 семей), выходцев из Австрии, Вюртемберга и Богемии, и к 1806 г. была образована колония Мюльгаузендорф. В 1805 г. прибыла следующая партия немецких колони́стов (19 семей) уроженцев Пруссии, Померании, Силезии. И в 1806 г. южнее Мюльгаузендорфа ими была основана колония Шлангендорф. В мае того же, 1805 г., 30 семей немецких католиков из Богемии, Майнца, Бадена и др. немецких государств основали Кло́стердорф, колонию севернее шведского поселения [43]. Все эти колонии вместе со шведами вошли в Шведский колони́стский округ.

Все его население составляли переселенцы, но причины их переселения, условия, на которых осуществлялся их переезд, стартовые условия проходившего обустройства и начинавшейся адаптации на новом месте проживания, были различными.

Причины переезда шведов с о. Даго [4] известны, они носили внутренний характер: Жизнь первых поселенцев была очень тяжелой. Известна массовая смертность шведов и причины ее. Причины, усло-

вия и время переселения немцев были иными и тесно связанными с последствиями Великой Французской революции 1789 г.

В 1787 г. в Альт-Шведендорф прибыла большая группа данцигских немцев (362 чел.). Прибывшие, как сообщают источники, не были радушно встречены старожилами.

Большая часть немцев, учитывая враждебное настроение шведов и не совсем удобное расположение колоний, ушли на север, организовав колонию Альт-Данциг.

В 1790 г. в колонии были поселены шведы (31 человек) (бывшие военнопленные, пожелавшие принять российское подданство). Тем не менее при всей своей шведскости они в своем большинстве тоже покинули ее [29; 2]. Очевидно, бывшие военнопленные по своим психологическим установкам, по мировосприятию диссонировали с основной массой шведских колонистов. Кроме того, причиной их ухода были тяжелые условия жизни. Ко всем сложностям начального периода обустройства шведов нужно еще добавить и то, что они в тот момент остались фактически один на один со своими бедами [2; 17].

Шведы, прибывшие в 1781 г. на Херсонщину, были не просто переселенцами, а являлись первопереселенцами. Земли, на которых располагалась их колония, только что вошли в состав России. Это было Дикое поле, на котором встречались малочисленные зимовники запорожских казаков. Отношения шведов с ними со временем претерпели серьезные изменения: от конфликтов (грабежей и насилия в самом начале) к взаимовыгодным контактам (их нанимали пастухами, работниками во время массовой ловли рыбы и т.д.). В степях Херсонщины хозяйничали татары, ногайцы и общение с ними шведов в конце XVIII в. тоже носило конфликтный характер. То есть им (первопереселенцам) не приходилось рассчитывать на помощь местного населения, на возможность перенять, позаимствовать навыки хозяйственного обустройства. Строительство городов, где находились бы административные органы, способные оказать хоть какое-нибудь позитивное влияние на создающуюся ситуацию, только начиналось. Эти обстоятельства серьезно усугубляли положение колонистов.

Обобщая вопрос о причинах и мотивах переселения шведов и немцев, следует констатировать, что они были различными. Общим был экономический фактор. Кроме того, следует учесть, что переселившиеся шведы являлись с 1721 г. подданными Российской империи. И несмотря на все предоставленные льготы, на них налагались финансовые обязательства, как и на все податное население государства [38; 37].

При переселении немцев, сразу получивших статус колонистов со всеми предоставляемыми им преимуществами, уже существовала (с 1800 г.) Контора Опекунства новороссийских иностранных поселенцев [6], Инструкция для внутреннего распорядка и управления колонистами (с 1803 г.) [10], которая сыграла огромную роль в жизни колоний и служила руководством на протяжении 70 лет. В обязанности Конторы входила всесторонняя забота о колонистах, она же наблюдала за исполнением колонистами принятых на себя обязательств. Колонии управлялись на местах смотрителями, состоявшими в штате Конторы, и приказами – окружными и сельскими – в лице избираемых колонистами из своей среды старшин (обер-шульцев), шульцев и бейзицеров. Следовательно, к моменту поселения немецких колонистов существовала специальная государственная структура, занимавшаяся делами колонистов и серьезно помогавшая им [30]. Перечень документов и мер, предпринятых российским государством к 1804 г., убеждает нас в том, что к моменту основания трех немецких колоний, административно-правовая база была, в основном, создана и немцы смогли сразу ощутить на себе ее эффективность [31]. Вообще отношение власти и колонистов в своем развитии претерпело серьезные изменения. В начале шведы были практически бесконтрольны. С началом XIX в. во всех колониях Новороссии существовала атмосфера широкого самоуправления колонистских общин. Такая ситуация может быть объяснена, с одной стороны, уважением власти к демократическим традициям территории выхода колонистов; с другой – отсутствием в то время в России достаточного количества чиновников. Алексей Миллер пишет о том, что империя Романовых страдала от «неуправляемости», от недостатка чиновников [14].

В целом Контора Опекунства оказывала большую действенную помощь переселенцам этой волны: в документах той поры речь идет не только о сугубо финансовых, экономических вопросах, но присутствуют и этнопсихологические моменты, обязывающие государственных служащих и обер-шульцев помещать прибывших немецких колонистов (речь идет о беременных женщинах и малолетних детях) [13] в теплейших и не отсыревших помещениях, своевременно выдавать немецким колонистам кормовые деньги [13], оплачивать отопление казарм, в которых они квартируются, заботиться о их здоровье. Смотрители колоний были обязаны в отношении переселенцев быть «прямыми ходатаями и защитниками» [35]. Данные обязательства распространялись в целом на деятельность всей Конторы. В то же время нельзя рассматривать колонистскую администрацию,

как и все империю по отношению к переселенцам, как некую благотворительную организацию. Управленческая практика, европейский опыт, подсказывали российским властям, что без строгих мер, проводимых по всей вертикали власти, превратить разношерстную в этнохозяйственном отношении массу колонистов в хороших хлебопашцев, а тем более товаропроизводителей, невозможно. Необходимы были соответствующие кадры управленцев и меры вразумления колонистов, кадры колонистской администрации. Одной из ключевых фигур являлся С. Х. Контениус [33], бывший с 1800 по 1818 гг. Главным судьей Екатеринославской опекунской конторы – высшей административной и судебной инстанции для иностранных поселенцев южной России. Человеколюбие и сострадание, неоднократно проявленные им в отношении колонистов, сочетались в нем со строгостью и непримиримостью к лености, бесчестности некоторых из них [22]. В постоянном контакте с колонистами были смотрители колоний. Они составили низший уровень государственной власти, являясь повседневными исполнителями государственной политики.

Основным критерием при назначении их на должность смотрителей в начальный период колонизации было знание немецкого языка. Но никто не ставил задачу получить смотрителя со знанием шведского языка. К началу 30–40-х гг. XIX в. ситуация изменилась. Упорядочивалась сама система функционирования смотрителей.

Государство теперь уже не только наблюдало за состоянием колоний, помогало им, но и начало активно вторгаться в жизнь колоний по линии основанного Министерства государственных имуществ. Внедрялась система контроля над колонистской системой самоуправления [15]. Завершающим этапом эволюции органов управления колониями стали реформы 70-х гг. XIX в., когда все колонисты были переведены в категорию крестьян. Анализ документов и материалов по истории Шведского колонистского округа позволяет согласиться с периодизацией политики российского государства до середины XIX в. в отношении колонистов, данной Алексеем Миллером: а) до 90-х гг. XVIII в. – политика эмансипации и инкорпорации небольших групп своих новых подданных, в основном, через законодательные акты; б) с начала XIX в. – попытка создания и введения правовой системы. С началом правления Николая I был принят закон о запрете на въезд новых переселенцев. Началась кодификация законодательства о колонистах [15].

Вопросы управления колониями непосредственно связаны с их социально-экономическим развитием. Традиционно обер-шульцами

в Шведском округе были немцы. Шведы на этой должности отсутствовали. Как и чем это можно объяснить? Прежде всего следует учитывать численное преимущество немецкого населения в округе. Сказывалось экономическое и культурное доминирование немцев, смотревших несколько свысока на своих шведских соседей. Суть вопроса, скорее всего, находилась где-то посредине этих двух обстоятельств. Лишь в 1859 г. шведы получили возможность в какой-то мере изменить ситуацию. Речь шла о том, что обер-шульц округа немец колонии Мюльгаузендорф Йоган Вьорле, проводивший явно антишведскую политику, вновь претендовал на эту должность. Кроме него, были еще кандидатами Михаэль Мартин (к. Шлангендорф), Симон Гоас (к. Альт-Шведендорф) и Вильгельм Эйсвирт (к. Клостердорф). Кристиан Утас – шульц Шведендорфа, предложил шведской общине вступить в коалицию с католиками Клостендорфа. Результатом стало, с одной стороны, избрание обер-шульцем В. Эйсвирта, с другой – обострение религиозно-конфессиональных отношений между шведскими и немецкими лютеранами [7].

Хозяйственное развитие шведских и немецких колоний

Шведы. Основным их занятием на о. Даго была рыбная ловля. Выращивание хлебов являлось для них второстепенным занятием. Определенную роль играло изготовление и продажа дегтя, известняка. В новых условиях все это утрачивало свое значение. В рапорте за 1802 г. смотрителя Шведской колонии Павловского в Контору Опекунства сказано: «Шведские колонисты к хлебопашеству не прилежат».

Немцы. Большая их часть была традиционными земледельцами. Кроме того, они обладали навыками ремонта и даже изготовления с/х орудий труда. Эти качества сослужили им добрую службу в виде подсобного промысла. Они ремонтировали и даже продавали отдельные орудия труда соседним шведским колонистам и не только им. Главным их занятием должно было стать земледелие. Это, в свою очередь, ставило во главу угла вопрос земли. Условия предоставления земли и ее изъятия у шведов был изложен ранее.

9 июля 1804 г. было принято решение о поселении на землях шведских колонистов немцев [23]. Шведская колония в 1805 г. получила практически $\frac{1}{4}$ части от ранее выделенного ей надела. В тот период это не вызвало со стороны шведов акций протеста. Ситуация изменилась к худшему, когда стал наблюдаться рост численности шведов, что было результатом адаптации их к условиям существования [31; 19; 34]. Аналогичные процессы проходили и в немецких ко-

лониях. Если рассмотреть динамику числа жителей всех 4-х колоний с 1804 г. по 1916 г., то цифры выглядят следующим образом: Альт-Шведендорф 209 чел. – 718 чел.; Клостердорф 106 чел. – 747 чел.; Мюльгаузендорф 50 чел. – 718 чел.; Шлангендорф 101 чел. – 401 чел.

Во всех колониях были периоды спада и роста населения, объясняемые различными факторами (1811 г. – эпидемия холеры, 1822 г. – градобой и нашествие саранчи, 1824 г. – засуха и нашествие сусликов, 1829 г. и 1830 г. – эпидемия, бури, 1848 г. – холера, засуха, 1855 г. – эпидемия чумы и холеры).

Природа и окружающая среда как бы испытывали колонистов на прочность.

По мере роста численности населения появлялась и затем все более обострялась проблема нехватки земли. Уже данные 1840 г. демонстрируют появление во всех колониях безземельных.

В этот период начинают обостряться отношения между шведами и немцами. Если раньше они касались проблем языковой политики, главным образом, в церковной жизни, то теперь они получали экономическую подоплеку [26]. Шведы еще помнили, что при переселении им было выделено 12.000 дес. земли и в новых хозяйственных обстоятельствах недружелюбно взирали на немцев, поселенных, как им казалось, на их землях.

Отмена крепостного права и вступление России на путь модернизации дали огромный импульс экономическим процессам.

Увеличивалась потребность в товарной продукции. В то же время шел активный процесс дифференциации всего и вся, в том числе и хозяйств Старошведской волости.

Система землепользования

Земля у немцев была поделена на 4 участка: усадебную, сенокосную, пастбищную и полевую. Последняя находилась в непосредственной близости от села и, в свою очередь, делилась на четыре участка (четырепольный оборот).

Полевые участки находились рядом, и каждый свободный час колонист занимался обработкой своего участка, не затрачивая времени на преодоление больших расстояний. Кроме того, близость от дома позволяла ему тщательно обрабатывать землю с использованием рабочего скота и орудий труда, привезенных или изготовленных своими сельскими ремесленниками [40]. Что касается Альт-Шведендорфа, то при тех же наделах в пахотном поле каждый хозяин имел по 12 участков: 1, 1, 1 1/2, 2, 2, 2, 2, 3, 3, 4, 4 и 5 дес. При

их разбросанности это создавало излишние трудности как с рабочим скотом, так и с использованием сельскохозяйственной техники.

У шведов была система посева «хлеб на хлеб», которая называлась безтолочной, и при отсутствии практики внесения органических удобрений плодородие земли истощалось, урожайность была достаточно низкой. Удивительным было то, что заимствуя у соседей – немецких колонистов – земледельческие орудия труда – буккеры, плуги, используя упряжь, повозки, шведы не переняли их систему землепользования и ухода за землей. Немцы практиковали двойную вспашку земли – осенью и весной, что позволяло в осеннее-зимний период накапливать в ней влагу. Будучи изобретателями буккера, они почти отказались от малороссийского плуга. Шведы же достаточно долго пользовались малороссийски плугом-сохой. У немцев практиковалось органическое удобрение почв, что существенно повышало урожайность. Отличалась у шведов и немцев уборка урожая. Немцы зачастую использовали косилки, сгребая скошенный хлеб конными большими граблями. Это позволяло выигрывать в скорости, затрате сил, сопровождалось меньшими потерями урожая. Шведы еще долго косили косами и пользовались ручными граблями. У них было меньше лошадей, используемых на полевых работах, чем у немцев. Поэтому они были вынуждены широко использовать изнуряющий и тяжелый ручной труд в поле. С течением времени ситуация в земледелии у шведов заметно улучшилась.

Проблемы земли в колониях с самого их основания являлись наиглавнейшей.

Речь шла о фактически частном землевладении при юридически общественной собственности колонистов.

В 1866 г. был изменен закон о наследовании: допускалось дробление наделов.

Последствия этой меры очень хорошо иллюстрируются статистикой хозяйств в Шведском округе. Начался активный процесс дробления хозяйств. Об этом же свидетельствуют и данные коэффициента семейственности, цифровые показатели которых с этого момента пошли вниз. В июне 1871 г. появились «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях», в корне менявшие традиционный уклад существования колоний, фактически ликвидировавшие специальные привилегии иностранных колонистов.

Административные реформы 70-х годов XIX века были продиктованы стремлением преобразовать феодально-архаичную систе-

му России в буржуазное государство. Унифицировалось законодательство, формы управления территориями, вводилось единообразие прав и обязанностей граждан. Лишение льгот в сочетании с наличием земельной проблемы послужило причиной того, что часть колонистов, вслед за меннонитами, с 80-х гг. стали покидать Россию, переезжая в Северную Америку, Сибирь. Списочный состав жителей Альт-Шведендорфа и условия на которых они выезжали в Канаду, дан в известной работе Юргена Хедмана [43].

Эмиграция шведских семей лишь ненадолго смогла снизить напряженность земельного вопроса. Проблема земли выходила далеко за уровень хозяйственной жизни шведов, создавала межэтническую напряженность между ними и немцами, имевшую экономическую подоплеку.

Что же касается конкретной истории хозяйственного развития колоний Шведского округа, то следует отметить тот факт, что период обустройства и адаптации у шведов был значительно продолжительнее, чем у немцев. У шведов он продолжался с 1782 г. до начала 20-х гг. XIX в., у немцев – с 1804–1805 гг. до тех же 20-х годов. По нашему мнению, причинами этого было следующее: 1. У российского правительства не было достаточного опыта колонизационной политики во время прибытия в Новороссию шведских первопереселенцев. 2. В тот период отсутствовала специальная система колониистского управления, соответствующее законодательство. 3. Шведы были переселены на Украину как российскоподданные и получили, в отличие от переселявшихся в конце XVIII века данцигских меннонитов, гораздо меньшую финансовую поддержку. 4. Отсутствие у шведов навыков хлебопашества в соединении с недостаточным количеством необходимого специального инвентаря, становилось следующей причиной длительности процесса обустройства. 5. Привезенный с о. Даго инвентарь оказался непригодным к условиям освоения целинных земель Дикого поля. 6. Нападения татар, ногайцев, конфликты с запорожскими казаками, наконец, эпидемия чумы 1784 г. – все это осложняло жизнь колонистов. 7. Культурно-языковая специфика колонистов затрудняла их общение с соседним населением и не позволила быстро получить помощь, рекомендации, которые бы облегчили им познание специфики земледелия в данном районе.

Постепенно шведы вошли в ритм хозяйственной жизни. Немецким соседям, с учетом времени их переселения, условий, навыков хозяйствования, полученных в свое время на родине, сделать это было гораздо легче. Занятие хлебопашеством для них было привычным де-

лом. В то же время и у них были трудности, связанные, помимо субъективных причин, с объективными обстоятельствами. Если не брать во внимание все невзгоды, через которые пришлось пройти колонистам: засухи, градобои, нашествия саранчи и степных грызунов, ранние заморозки, холодные зимы, бескормицу скота и его падеж, эпидемии и т.д., то колонисты должны были не просто освоить целинные земли, вдохнуть в них жизнь, но и создать хозяйства, производящие товарную продукцию, главным предметом которой, учитывая их предыдущий опыт, должен был стать хлеб. Но пшеница была настолько дешева на Украине, что многие земледельцы отказывались от ее выращивания [5].

Немецкие колонисты Шведского колонистского округа тоже участвовали в создании этого изобилия. Однако в финансовом отношении это мало что им давало. Сказывалась удаленность от морских портов, слабость инфраструктуры региона. Лишь с середины XIX века ситуация начала серьезно меняться. И причины этого крылись не только в событиях Крымской войны, когда резко возросли нужды государства в хлебе, но и событиях, происходящих далеко за пределами границ России. Гражданская война в США привела к отсутствию американского хлеба на европейских рынках и росту цен на российскую пшеницу. Это серьезно сказалось на экономическом благосостоянии колонистов.

Занятие хлебопашеством было довольно рискованным делом. Что касается шведов, то на продуктивность их труда в хлебопашестве серьезно влияло отсутствие многовекового опыта в этой области. Кроме того, получение хороших урожаев во многом зависело от качества сельскохозяйственного инвентаря, а в этом вопросе шведы значительно отставали от немцев. В силу этого урожайность в Альт-Шведендорфе была гораздо ниже, чем в немецких колониях [8].

Будучи не в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум хлебопашеством, шведы занимались традиционным для них рыболовством [39]. В сложный начальный период обустройства шведов рыбный промысел и охота спасали их. Практически все жители колонии были рыбаками. Склонность к этому занятию у них присутствовала практически на генетическом уровне. И тут они среди всех жителей Шведского округа были вне конкуренции. Причин этому было несколько. 1. Наличие опыта собственного и предков, полученного еще на о. Даго. 2. Близость водоемов, лиманов; богатство и разнообразие рыбы (стерлядь, осетр, щука, сом, лещ, сазан, карась). 3. Потребности жизни и выживания – рыбный промысел спасал от голода. 4. Специфика национальной кухни. 5. Развитие товарно-денежных

отношений и запросы формирующегося рынка: а) рыбу охотно покупало население городов уезда, европейских колоний. У последних рыба была одним из блюд их национальной кухни; б) православное население округа, соблюдая все религиозные посты, было хорошим покупателем рыбы; в) чумаки центральных губерний (Киевской, Полтавской) осенью специально приезжали за соленой и сушеной рыбой. 6. Наличие значительного количества ярмарок и базаров [36].

Рыбный промысел, принадлежащий шведским колонистам, отдавался на откуп, и выплачиваемые суммы поступали в окружной приказ Шведского колонистского округа. В организации рыбного промысла существовали четкие правила [27], но они со временем претерпели изменения. И ловлю уже могли осуществлять не сами колонисты, а откупщик [9]. Он мог нанять людей как из числа колонистов, так и посторонних лиц. Последние должны были обязательно иметь письменные свидетельства, получаемые у местного начальства. Принятие на работы лиц без таких документов или бродяг запрещалось. Положением об откупном промысле предусматривалось многое: откупщик не мог пользоваться пастбищным выгоном, принадлежавшем обществу, без особой договоренности; запрещалось в плавнях рубить дровяной лес и лозу и т.д. За самовольную порубку налагался штраф, втрое превышающий стоимость вырубленного. Такая система была отражением развития рыночных отношений во второй половине XIX в.

В то же время были учтены интересы и всех остальных колонистов. Последним, не участвовавшим в откупе, предоставлялось право ловить рыбу без согласия откупщиков лишь в объемах, необходимых для собственного использования.

Материалы о рыбном промысле свидетельствуют о следующем:

1. В течение начального периода адаптации колонисты Альт-Шведендорфа сами осуществляли откуп у Окружного приказа.
2. С 40-х гг. XIX в. в систему рыбного откупа все чаще стали проникать новые экономические отношения – появилась аренда.
3. С этого времени рыбный промысел стал предметом конкурентного противоборства и Попечительный Комитет сам организовывал торги, в ходе которых откуп получал тот, кто соглашался платить за промысел большие суммы.
4. В конкурентной борьбе довольно часто побеждали мещане Берислава.
5. В самой колонии Альт-Шведендорф стали появляться собственные предприниматели, занимавшиеся промыслом не как доверенные

колониистой общины, а как частные лица. Ими осуществлялся наем людей, основным занятием которых и был лов рыбы.

6. Масштабы рыбной ловли были достаточными для того, чтобы вести обширную торговую деятельность.

7. Отголоском прошлой общинной жизни шведов было сохранение права всего населения колонии ловить рыбу без откупной платы для собственных нужд.

8. Развитие в сторону капитализации рыбного промысла прослеживается при анализе контрактов, подписанных в разное время. Система рыбного промысла носила строго упорядоченный характер.

Помимо традиционного рыболовства, шведы занимались и животноводством. Объяснение этому и причины коренятся в следующем: 1. Природно-климатические условия региона нахождения колонии, обуславливавшие зону рискованного земледелия, колебания рыночных цен на хлеб, наличие значительных массивов земель, отнесенных к категории «свободных пастбищ», побудили колонистов заняться разведением скота. 2. Эстонские шведы имели давние традиции разведения крупного рогатого скота.

Шведы удачно использовали заливные луга и днепровские плавни в период неоднократных засух, когда возникали трудности с кормами. Они с пониманием отнеслись к рекомендациям Контениуса, а позднее и Корниса, разводить коров немецкой породы, которые были гораздо продуктивнее скота, привезенного в свое время с о. Даго. Они переняли опыт у немцев в занятии коневодством и разведением свиней. Со временем в Альт-Шведендорфе появилась даже группа лиц, занимавшаяся преимущественно скотоводством. Это были Крестьян Крестьянсон, Гендрик Петерсон, Гендрик Крестьянсон. В 40-е гг. XIX в. в колонии было распространено овцеводство. Но со временем «выпасные земли» сокращались и разведение овец в этих условиях стало малоперспективным делом.

Занятие скотоводством далеко не всегда было прибыльным. Природные катаклизмы, сопровождавшиеся бескормицей, когда гибли травы, периодически повторявшиеся эпидемии, вследствие чего погибал скот (ящур, сап, чума, сибирка, рожа), вносили свои коррективы в хозяйственную жизнь шведов [24].

Следует отметить и тот факт, что поиском средств улучшения экономического состояния колонистов занимались не только они сами, но и Контора Опекунства [20]. Предложения последней исходили из общегосударственных, хозяйственных задач (разведение лесов [20], лесопосадок) и стремления улучшить положение колонистов пу-

тем содействия развитию садоводства, огородничества, виноградарства, шелководства. Не всегда колонисты с пониманием относились к этим мероприятиям колонистской администрации. Но со временем они занялись выращиванием шелковиц и шелкопряда. Продукты садоводства и огородных культур стали неотъемлемой частью их рациона питания. В колонии даже велись селекционные работы по выращиванию саженцев акации.

Среди ремесел у шведов до середины 30-х гг. XIX в. было хорошо развито ткачество. В немалой мере этому способствовали как потребности самих колонистов, так и наличие привезенных с о. Даго ткацких приспособлений. Но после пожара 1835 г., уничтожившего их, ткачество утратило свои приоритеты. Все остальные ремесла, учитывая единичные представительства лиц ими владевших (сапожники, плотники, кузнецы), были очень слабо представлены в Альт-Шведендорфе.

Рассматривая в сравнении судьбы колоний и учитывая при этом их этническую принадлежность, мы видим, что их население являлось носителями свойств архетипов. В то же время оценочные характеристики шведов и немцев зачастую не лишены влияния мифов. Так, шведы часто описываются как молчаливые, сдержанные, спокойные люди. В то же время посетивший их колонию Афанасьев-Чужбинский писал о веселых, много и интересно рассказывавших ему шведах. То есть речь идет о том, что шведы владели разговорным русским языком, в то время как у немцев существовала проблема общения с русским населением по причине языкового барьера.

Ответ на вопросы как, когда и почему шведы овладели русским языком и почему эта языковая проблема существовала у населения 3-х немецких колоний, нужно искать в следующем:

Шведы. Непосредственное и довольно продолжительное общение их с русскими началось с момента переезда в Новороссию (их сопровождали и охраняли донские казаки). 2. Осень и зиму 1781–1782 гг. они провели в Решетилровке, находясь если и не в среде русскоговорящего населения, то уже точно рядом с ним. 3. По прибытию к месту поселения они (теоретически) могли общаться с монахами Бизюкова монастыря, жителями Берислава, значительную часть которых в тот момент составляли русские. 4. Часть шведов в начальный период их обустройства покидала колонию, отправлялась на заработки в Херсон, который в тот период активно строился, его строителями и жителями были русские. Возвращаясь в колонию, шведы также приносили с собой языковые навыки нового для них языка. Буду-

чи небольшой этнической группой, они должны были для своего выживания проявлять элементы социальной сплоченности, что приобрело качество консервации традиций, обрядов, языка. Тем не менее языком общения для них с окружающим населением стал русский.

Немцы. 1. К моменту их приезда в Херсонскую губернию была создана система колониальной администрации и все делопроизводство велось на немецком языке, поэтому у немцев не было острой необходимости в знании русского языка. 2. Прибывшие на земли шведов немцы были большой самостоятельной группой и у них отсутствовала острая потребность в общении с русскоязычным населением. 3. Присутствовал этнопсихологический момент. Немцы рассматривали себя как носителей более высокой культуры, чем шведы и тем более окружающее русское и украинское население. Это лишь некоторые штрихи, позволяющие отметить различия шведов и немцев в подходе к языковой проблеме.

Известно, что немцы стремились онемечить шведов. Но шведы упорно желали сохранить свою языковую самобытность. Они изыскивали любые возможности заполучить учителя шведского языка. Языком их богослужения был шведский, они пользовались шведской церковной литературой. Им удалось сохранить языковую монолитность, как и конфессиональную. Подавляющее число жителей были лютеранского вероисповедания. Появившееся небольшое число католиков было, скорее всего, связано с межконфессиональными браками. Известно, что шведы в определенные моменты испытывали недостаток в женщинах брачного возраста и им приходилось жениться на немках, часть из которых были католичками. Такие браки не были распространенным явлением.

Проблемы языка, церкви и образования тесно взаимосвязаны между собой. Во всех четырех колониях существовали церковно-приходские школы. Однако их становление и развитие было различным. Традиционно первые школы помещались при церковных зданиях и лишь со временем, когда колонии достигали уровня благосостояния, колонисты строили специальные школьные помещения. Первыми учителями тоже чаще всего становились пасторы и патеры.

Создание школ было обусловлено как традицией всеобщего обязательного обучения, напрямую связанного с религиозными потребностями колониального общества (школа должна была готовить детей к конфирмации), так и потребностями быстро меняющейся социально-экономической ситуации в регионе. Стремительно шедшие здесь процессы капитализации общества втягивали колонистов

в сферу новых общественно-экономических отношений, требуя грамотных людей. Этот факт явился одним из побудительных моментов изучения русского языка.

Что касается шведов, то в начале обучение, скорее всего, проводил преподобный Европеус. После его отъезда в колонии отсутствовал как пастор, так и учитель. Вплоть до 1836 г. во всех 4-х колониях не было школьных помещений и занятия проводились в домах учителей [16]. Их списочный состав и возраст позволяют утверждать, что никто из них не имел профессионального образования. В колонии Клостердорф учителем был 59-летний Иосиф Эйверт, в Мюльгаузендорфе – Фридрих Шварц (69 лет), в Шлангендорфе – Мартин. Его возраст 70 лет. Самым пожилым из всех учителей округа был Матц Магнуссон. Ему исполнилось в тот год 88 [18].

Занятия состояли в чтении книг Священного писания и обучение детей немецкому языку, счету и письму. И здесь обнаруживается существенная разница образования. Первое. Сам Матц Магнуссон был носителем шведского языка. Второе. Преподавание шло по шведским религиозным книгам и это позволяло поддерживать языковую ситуацию в колонии. Что касается преподавания немецкого языка, то шведы не испытывали большого энтузиазма по этому поводу, рассматривая проявляемую настойчивость обер-шульцев учиться немецкому языку, как проявление политики онемечивания. Они справедливо считали, что живя в России прилично знать русский язык «и если знают его», «то единственно для облегчения сношений с соседями» (Афанасьев-Чужбинский). Все попытки найти учителя шведского языка были тщетными. Проблема с учителями была и у немецких колонистов.

В школах шведского округа придерживались «Правил посещения сельских школ и детского учения», принятых в 1841 г. Летом 1868 г. в Одессе проходил съезд полномочных представителей всех колонистских товариществ Юга Украины – обсуждались меры по улучшению школьного образования. Среди многих проблем обсуждались и вопросы расширения светского компонента в системе обучения колонистских детей. Пройдя сложный и тяжелый путь становления, школы вместе с церковными заведениями стали влиятельными центрами развития духовной жизни колонистов.

В 1866 г. по желанию Попечительного комитета в программу сельских школ был введен новый учебный предмет – русский язык. Знание его было востребовано культурно-историческими задачами. Но были еще и задачи стратегического характера. Речь шла не просто о создании культурно-языковой однородности населения окраин

империи, а о «лояльности, выраженной в культурных формах, в ориентации на имперский центр, как приоритетный источник культурных образцов и влияний» [28].

Определенным этапом политики государства стала передача немецких (в эту категорию попали и шведы) церковно-приходских школ узаконениями от 22 ноября 1890 г. и 10 декабря 1892 г. в ведение Министерства народного просвещения, со всеми выходящими из этого последствиями. В немецких школах Шведского округа на этом этапе возникли трения между сельскими обществами и государственной администрацией. Первые желали сохранить полный контроль над школой и учительским коллективом в виде назначения учителя и оплату его труда за счет сельских обществ. Государство же стало на путь языкового давления. Население Альт-Шведендорфа спокойно восприняло происходящее.

Изменения в языковой политике четко коррелировались с изменением отношения к немецким колонистам. Причиной этому были не только внутренние обстоятельства (конкуренция на рынке земли, рост влияния колонистских хозяйств, капиталов в экономическом сегменте России), но и внешние. Создание Германской империи, выступления пангерманистов и пр. заставляли Россию попытаться стать на путь консолидации нации. Начали проявляться явления русификации общества. В нашем случае это вылилось в изменение названий колоний. Так, Альт-Шведендорф стал официально именоваться Старошведское, Мюгаузендорф – Михайловское, Клостендорф – Костырка, Шлангендорф – Змеевка.

С началом Первой мировой войны и принятием Ликвидационного Законодательства в отношении немцев, положение населения Старошведской волости ухудшилось. Все 4-е колонии воспринимались окружающими как немецкие. Виной тому был немецкий язык общения колонистов, хотя между собой шведы говорили на родном языке. Шведы были вынуждены обратиться в правительственные органы с просьбой не рассматривать их как немцев и оградить от действий антинемецкого характера. Просьба была удовлетворена.

Итак, материалы позволяют отметить следующее:

1. Население Шведского колонистского округа формировалось в одномоментно.
2. Немецкие колонисты при поселении оказались в более благоприятных условиях, чем шведы (к тому времени был получен определенный опыт колонизационной политики, создана законодательная и инструктивная база).
3. При различии в причинах переселения и у шведов, и у немцев отсутствовал опыт ведения хозяй-

ства в новой для них природно-климатической зоне. 4. На характере хозяйственной деятельности колонистов, на определенном этапе, серьезно сказывались навыки и опыт их деятельности в местах проживания до выезда в Новороссию. 5. Процесс первоначального обустройства у шведов был гораздо длительнее, чем у немцев. 6. В своем хозяйственном развитии жители каждой колонии использовали свой традиционный опыт в новых для них условиях. 7. Шведы контактировали с окружающим инонациональным окружением лучше чем немцы, ибо у них отсутствовало (что было у немцев) чувство культурного превосходства по отношению к местному населению. 8. Существование колоний с различным конфессиональным населением не стало полем религиозных конфликтов. Возникающие конфликты имели чаще бытового характер. 9. Антинемецкие настроения шведов имели сугубо экономическую основу – существовала проблема нехватки земли.

Библиографические ссылки

1. *Афанасьев-Чужбинский О.* Подорож у Південну Росію: істор. монографія / *О. Афанасьев-Чужбинский.* – Д., 2004. – С. 258.
2. *Багaley Д. И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры / *Д. И. Багaley.* – К., 1889. – С. 91.
3. *Белаш Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* – 1998. – № 5. – С. 75–89.
4. *Бобылева С. И.* Шведский колонистский округ // *Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»* : матер. 12-й междунар. науч. конф. – М., 2009. – С. 400.
5. *Бродель Ф.* Структуры повседневности: возможное и невозможное / *Ф. Бродель.* – М., 1983. – С. 122.
6. Государственный Архив Днепропетровской области. – Ф. 134, оп. 1, д. 54, л. 43–46 об.
7. Там же. – Ф. 134, д. 72, л. 51 об.
8. Государственный Архив Одесской области. – Ф. 6, оп. 1, д. 98, л. 71–72 об.
9. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 308, л. 13–13 об.
10. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 969, л. 114–124 об.
13. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 114–115.
14. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 116.
15. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 19678, л. 26 об.
16. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 2407, л. 167 об – 168.
17. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 3661, л. 1 об.
18. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 4450.

19. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 4458, л. 117.
20. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 4460, л. 1–2.
21. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 4458, л. 117.
22. Там же. – Ф. 6, оп. 1, д. 19678, л. 1–3 об, 4, 17.
23. Государственный Архив Херсонской области. – Ф. 14, оп. 1, д. 36, л. 44–58, 58 об.
24. Там же. – Ф. Р-413, д. 65, с. 93. Херсонское уездное земство. Отчет за 1898 г.
25. Гранин Ю. Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования / Ю. Д. Гранин; Рос. акад. наук. Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2007. – С. 80–82.
26. Данные об экономическом положении селений Херсонского уезда в с/х отношении по подворным спискам Уездной землеустроительной Комиссии в 1906–1907 гг. – Херсон, 1908. – С. 58.
27. Дружинина Е. И. Южная Украина (1800–1825 гг.) / Е. И. Дружинина. – М., 1970. – С. 214–215.
28. Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1866 / М. Н. Катков. – М., 1897. – С. 154.
29. Котлярчук А. Немцы Украины в судьбе шведской колонии на Днепре, 1805–2007 // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2007. – С. 28; 10; 11.
30. Кочубей – Контениусу 18 окт. 1803 г. – Письма герцога Армана Эмманула Ришелье Самуилу Христиановичу Контениусу. – 1803–1814 гг. / сост. и ред. О.В. Коновалова. – Одесса, 1999. – С. 29.
31. Материалы для оценки земель Херсонской губернии. – Херсон, 1890. – Т. VI. Херсонский уезд (статистико-экономическое описание уезда). – С. 147–148.
32. Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А. Миллер. – М., 2006. – С. 56.
33. Надгробье Контениуса было обнаружено в 2002 г. на месте бывшей к. Йозефсталь в ходе историко-этнографической экспедиции Института украинско-германских исторических исследований ДНУ им. О. Гончара студентом Василием Журавлем.
34. Научный подход к изучению динамики численности населения с учетом влияния среды обитания был дан в свое время английским демографом А. М. Карп-Саундерсом в его работе «Проблемы населения: исследование эволюции» (Carr-Saunders A.M. The Population problem: a study in human evolution. – Oxford, 1922), где автор рассмотрел взаимосвязь между развитием экономики, социального состояния общества и населением, отметив возрастающую роль социальной сферы и экономических процессов в демографическом развитии.
35. Негру О. Контениус / Немцы России: т. 2: К-О / редкол. : В. Карев (пред. редкол.) и др. – М. : ЭНР, 2004. – С. 175–176.

36. Отчет о деятельности Херсонской уездной земской управы за 1896 год. Смета и раскладки на 1898 год. – Херсон, 1897. – С. 65.
37. Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX в.) / под ред. С. И. Бобылевой. – Днепропетровск, 1999. – С. 55–56.
38. Полное собрание Законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 26. № 19372. – С. 115–128;
39. Северный архив. – 1824. – Апрель № 8. – С. 66.
40. Струков Д. И. О состоянии сельского хозяйства в Южной России // Журнал Министерства государственного имущества. – 1854. Часть 52. – № 7; 1855. – Часть 56. – № 3.
41. Downs R. M., D. Stea. Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping. – New York, 1977.
42. Erikson E. Insight and Responsibility / E. Erikson. – N.Y., 1964.
43. Hedman J. Gammalsvenskby. The true story of the Swedish settlement in Ukraine / J. Hedman. – Stockholm, 2005. – P. 33–38.
44. Robert Redfield. Режим доступа : <http://cstaip.virtbo.ru/info/study/cjgnitanthropdogy/kartina.htm>
45. Turner F. I. The Frontier in American history / F. I. Turner. – New York, 1920.

Надійшла до редколегії 04.11.10

УДК 94 (477) – 54.62 «1763/1782»

Н. В. Венгер

Дніпропетровський національний університет імені О. Гончара

**«НІМЕЦЬКЕ ПИТАННЯ» В ОЦІНЦІ І. С. АКСАКОВА
ТА Ю. Ф. САМАРІНА: ДІАЛОГ З РОСІЙСЬКИМ
СУСПІЛЬСТВОМ У ДЕСЯТИЛІТТЯ
«ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» (1860–1870 роки)**

Проаналізовано погляди відомих публіцистів і громадських діячів Ю. Ф. Самаріна й І. С. Аксакова з остзейської проблеми, визначено вплив їх позицій на розвиток «німецького питання» в Росії другої половини XIX століття.

Ключові слова: російський націоналізм, остзейське питання, німецьке питання, реформа 1871 р., Юрій Федорович Самарін, Іван Сергійович Аксаков, колонізація.